

Т. В. Козырева, В. А. Слободчикова

ДУАЛИСТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА

В статье раскрываются сущность и особенности политического мифа. Анализируются различные подходы к определению данного понятия. Выделяются такие особенности мифа, как собственная реальность, наличие образов, опора на архетипы. В статье отмечается дуалистичность природы мифа, сочетающая следующие противоположности: рациональное и иррациональное, вымысел и реальность, сознательное и бессознательное, миф и контр-миф. Выделяются функции политического мифа, раскрывается влияние на сознание людей. Политический миф как предмет исследования рассматривается на примерах нескольких государств.

Ключевые слова: политический миф, картина мира, легитимизация власти, образы, архетипы, мифология, политическое сознание, политический имидж государства.

DUALITY OF POLITICAL MYTH

This article reveals the essence and features of the political myth. Various approaches to definition of this concept are analyzed. Such features of the myth as personal reality, existence of images, a support of archetypes. Authors note the dualistic nature of the myth combining the following contrasts: rational and irrational, fiction and reality, conscious and unconscious, myth and counter-myth. Functions of the political myth are pointed out, influence on consciousness of people reveals. The political myth as an object of research, is considered on examples of several countries.

Key words: political myth, world picture, legitimization of power, images, archetypes, mythology, political consciousness, political image of country.

Общественная жизнь устроена так, что в ее истории ничего не исчезает бесследно. Любые устаревшие формы организации материальной и духовной жизни, уступая место новым, все же умудряются сохраняться. К таким элементам политического сознания относятся мифы. Современные мифы разрознены, не имеют той цельности и системы, которые присущи архаическим. Так же, как и древние, они создают свою реальность и ею объясняют объективную. В. С. Полосин полагает, что «миф – не просто необходимый компонент познания и самосознания человека, но, безусловно, необходимый компонент существования общества вообще» [1]. Это объясняет тот факт, что «во все эпохи у всех народов общественное сознание в тех или иных формах... продуцирует различные виды мифов, псевдо- и лжемифов во всех гуманитарных сферах социальной жизни: в быту, культуре, религии, идеологии, политике» [1, 45].

Философская интерпретация мифа имеет давнюю традицию, современное понимание политического мифа складывается в мировой науке лишь в начале XX века. Особая актуальность обращения к исследованию политических мифов обусловлена кризисным характером политических процессов и общественного развития в XX–XXI веках, порождающим перманентный мировоззренческий кризис не только у отдельных индивидуумов, но и у представителей власти, теряющих целеполагающие ориентиры государственного управления.

Исследователям приходится преодолевать общепринятое негативное отношение к политическому мифу, которое доминирует в современной политической публицистике, риторике и обыденном понимании.

Использование термина «миф» в политической журналистике часто отражает стремление автора вскрыть правду, стоящую за успешными попытками правительственных кругов, которые влияли на общественное мнение путем представления искаженной информации о событиях. В обыденном понимании слово «миф» ассоциируется с выдумкой или иллюзией. Теоретики политического мифа, вслед за своими коллегами, исследующими священные мифы, исходят из более нейтрального взгляда на миф, отмечая его диалектичность. У исследо-

вателей нет консенсуса по определению понятия «политический миф». Рассмотрим несколько подходов. А. М. Цуладзе определяет политический миф как «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [2, 56]. Кольев А. Н. дает несколько иное определение. «Политический миф – это статичный образ, опирающийся на верования и позволяющий упорядочить и интерпретировать приводящие в смятение факты и события, структурировать видение коллективного настоящего и будущего» [3]. К. Флад видит в мифе «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [4].

Исследователи выделяют ряд особенностей политических мифов. Одной из важнейших черт мифа является наличие своей реальности, которая воспринимается как высшая. Для восприятия мифа должна быть благоприятная почва, а именно «...чтобы стать мифом, рассказ должен быть воспринят аудиторией как адекватно излагающий основные факты, которые уже признаны (или вскоре будут признаны) ею за истинные, а также верно их интерпретирующий. Авторитет у рассказа появится тогда, когда он будет представлен в подходящей форме, подходящим рассказчиком (группой рассказчиков), в подходящем историческом, социальном, идеологическом контексте» [3, 32]. При условии веры в рассказ определенной социальной группы он будет исполнять функции мифа.

Необходимо выделить причины восприятия или невосприятия мифа аудиторией. Некоторые исследователи считают, что важна фактическая достоверность. Например, Михайлов Д. Н. утверждает, что «для политических мифов характерна непосредственная связь с политической реальностью, они призваны оправдать определённый ход событий, обеспечивать абсолютную уверенность людей в правоте осуществляемых политических акций» [5]. В то время как Флад К. отмечает, что «важен движущий мотив и эмоциональный потенциал серии драматических образов, которые миф порождает в умах, описывая ход общественной борьбы в самых резких ее проявлениях» [4, 36]. Мифотворец отождествляет себя с представителем группы-адресата и интерпретатором ее интересов. Он повествует ради того, чтобы дать группе аргументы и побудить ее к действиям, необходимым, по его мнению, для ее блага. Как мифотворец, так и его аудитория считают, что они верят мифу потому, что это целесообразно. У мифотворца уже имеется практическая цель, и ему нужен миф, чтобы ее подкрепить.

Политический миф, если рассматривать его со стороны идеологического оформления, – всегда чья-то выдумка. Так или иначе, политический миф кем-нибудь создан, а лишь затем воспринят – сначала как возможная реальность, потом – как реальность очевидная [5, 121].

Миф оперирует образами. Это обеспечивает ему запоминаемость, узнаваемость, цельность. В то же время любой образ допускает различия в толкованиях его деталей, что позволяет мифу обрастать бесчисленными подробностями, вариантами. Каждый человек может «обжить» полюбившийся ему миф, добавив в него красок из палитры собственного воображения. Таким образом, миф превращается в продукт совместного творчества множества людей и при этом сохраняет свою изначально заданную структуру и смысловую нагрузку. Вот почему для современного политтехнолога миф – это бесценный клад для манипуляций общественным сознанием. Достаточно задать некую матрицу, а детали позволить людям домыслить самим. Миф создает иллюзию сопричастности происходящим событиям.

Политический миф «это, прежде всего, символическое, сюжетное оформление политики Выбирая символы, мы выбираем путь общества, даже если он нам не вполне ясен» [5].

Для массового сознания нужно видимое упрощение вплоть до символизации более или менее громоздких умозаключений или непроясненных ощущений. Как и архаическая картина мира, политическая мифология в массовом восприятии состоит из системы символов-знаков, символов-идей. И все-таки современный миф отличается от архаического тем, что в нем гораздо меньше символики и ритуала и значительно больше текста. Существенная характеристика политического мифа, отличающая его от архаического, – незавершенность. По сути дела, в политической реальности невозможно отыскать совершенно оформленного по-

литического мифа. Он все время находится в состоянии достраивания (лосевский синтез становления). Политический миф проходит несколько стадий своего развития: через идентификацию по общему переживанию. Затем через символизацию (т. е. его упрощение, структурирование, мысленное привязывание к каким-то символам) миф приходит к ритуализации – оперированию, комбинированию символами.

Миф обладает дуалистичной природой. Рассмотрим сочетание в нем диалектических противоположностей, составляющих неразрывное единство. Во-первых, в мифе сочетается рациональное и иррациональное. Поддержание баланса рационально-иррационального содержания человеческого сознания возможно только в случае признания за мифологической реальностью права на существование, а также возможности концептуального синтеза рационально-иррациональных элементов массовых представлений в контексте конкретной политической культуры.

Наращивание рациональных или иррациональных компонентов в картине мира может привести, соответственно, либо к тупику полной рационализации (например, «Бога нет»), либо к иррациональному абсурду (например, «Бог есть Ничто»).

Согласно Бергсону, мифология проявляет оборонительные качества природы, которая таким образом противостоит разлагающему ее разуму. Мифы противостоят эксцессам интеллекта, угрожающим индивиду и обществу. В мифе, как нигде, более ярко иллюстрируется представление о том, что рациональная идея может иметь иррациональные источники.

В. О. Ключевский одним из первых среди отечественных исследователей мифов обратил внимание на то, что создание мифологического образа политического лидера (если отбросить мистический антураж) выполняет те же рациональные функции по легитимации власти и самоопределению общественных групп в отношении ее политики, которые, более подробно и формализовано, выполняют право, наука и религия [6]. Н. Бердяев отмечает, что самые рациональные люди живут мифами. Рационализм есть один из мифов. Рациональная абстракция легко превращается в миф. Например, марксизм насыщен абстракциями, превращенными в мифы. Человеческое сознание подвижно, оно суживается или расширяется, оно сосредоточивается на одном или рассеивается. Средне-нормальное сознание есть одна из абстракций. Разум рационализма есть один из мифов. Якобы героизм и бесстрашие отказа от всякой веры в высший, духовный, божественный мир, от всяких утешений есть также один из мифов нашего времени, одно из самоутешений» [7, 292].

Иррациональная составляющая мифа содержится в эмоциональной сфере.

Без эмоций не будет сопереживания герою, идентификации с ним. А это главное условие эффективности политического мифа. Традиционная для России вера в «чудо» имеет религиозное происхождение и в то же время часто эксплуатируется в политическом мифотворчестве. Мифы периода «перестройки» основывались на другом религиозном мотиве – «чувстве вины». Тогда модно было призывать к «покаянию», «признанию преступлений прошлого» и т. д. Политический миф строится, имея в качестве прообраза миф архаический. В нем создается собственный план реальности – со своими логическими и сюжетными законами, своей системой символов и образов. Но политический миф, в отличие от архаического, образуется не только эмоциональным переживанием, но и рационально утверждаемым смысловым стержнем. Как писал Кассирер, «миф ... с одной стороны, он показывает нам концептуальную структуру, с другой – перцептивную. Миф – не скопление неупорядоченных и бессвязных идей; он зависит от определенной формы восприятия» [8, 386].

Во-вторых, миф содержит в себе вымысел и реальность. Известный исследователь мифологии русский философ А. Ф. Лосев отмечал, что «Мифическое сознание оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями» [9, 51]. В. С. Полосин отмечает, что миф «отражает фундаментальные черты реальности, которые либо недоступны современной рациональности, либо игнорируются и скрываются ею. С социальной точки зрения миф есть условие существования современного общества, ибо без него все современное социальное устройство ставится под сомнение. Реальность мифа состоит в том, что он реален для человека, погруженного в этот миф [1, 30].

В-третьих, в мифе сочетаются сознательное и бессознательное. К бессознательным элементам процесса создания мифов можно отнести подключение к нему имеющихся в подсознании архетипов, на которых базируются мифосюжеты. К сознательным элементам мифотворчества следует отнести целенаправленную деятельность акторов политики по конструированию мифа, обусловленную их прагматическими интересами.

Миф – это вымысел, но не осознанный, а бессознательный. Поэтому перед исследователем стоит задача раскрыть не содержание целенаправленной выдумки, а значение скрытого образа (а не самого мифа) – классифицировать объекты и мотивы мифологической мысли. В политике, соответственно, это будут неосознанные цели, возбуждающие мифотворчество, или же вдохновенные образы, которые олицетворяют собой некоторые ценности. Это и есть «замаскированные феномены», которые политологам следует «расколдовать». Вместе с тем попытки внести эти расколдованные феномены в политику обречены на провал. Только пройдя через новое «заколдование» они могут в новом, трансформированном виде быть усвоены в политической практике. В человеческой психике мифы выступают в качестве структурированных элементов бессознательного, кристаллизующих архетипический опыт. Архетип, спроецированный в сферу самоорганизации общества или народа, порождает мифы народной воли, мифы о власти (о добром царе-герое, царе-мученике, о подмене царя, о «сильной руке» и др.), мифы идентификации (присоединения, перехода, пограничья, провинциальности и др.) и протосюжеты доминирования-подчинения, соперник-соперник, охотник-жертва, повелитель-слуга, хранитель-расхититель. Например, в российской политической мифологии «добрый царь» всегда окружен злыми и подлыми людьми, которые строят ему козни и наживаются за счет страны. Во времена Московского царства это были «злые бояре», потом помещики, в советские времена – «враги народа». В наше время эта роль отведена «олигархам». Мифы о себе есть абсолютно у всех народов. Обычно это мифы положительные – в них народ предстает немного лучше, чем он есть на самом деле. Англичане видятся самим себе деловитыми и честными, свободолюбивыми, преданными короне и своей стране. Американцы считают себя рожденными демократами, не терпящими никакого неравенства и несправедливости между людьми. Немцы – чувствительными, трудолюбивыми и добродушными.

В-четвертых, в мифотворчестве всегда существуют миф и контр-миф. Например, российский миф народной воли говорит о том, что народ знает, что хочет, что надо «сходить в народ» и узнать, что же он хочет на самом деле, а потом бороться за то самое, что будет сообщено. Миф о народной воле заключает в себе тайну Правды, которую надо отыскать, идентифицируя себя в качестве части народа, и одновременно – в качестве странника, ищущего Правды. Зеркальным отражением этого мифа является современный политический контр-миф о деградации народа. Некоторые исследователи пытаются увидеть в современном плачевном положении России проявление дурного русского характера. Возникает контр-мифология о народе, который является источником собственных бед. Народ объявляется беспробудным пьяницей, варваром, которому недоступны ценности цивилизации, дух предпринимательства, трудолюбие [10, 11].

Благодаря своей дуалистичности миф выполняет ряд важнейших функций.

В первую очередь можно отметить регенирирующую функцию. Кризисная ситуация разрушает в обществе рациональные мотивы, а через миф общество восстанавливается, строится новый социальный мир. Если рациональные пласты сознания разрушены, дезорганизованы, то через миф рациональный слой сознания снова заполняется. Ведь порой необходимость мифа ощущается почти болезненно, а обретение мифа (даже вполне сознательный выбор мифа) реконструирует картину мира и позволяет этот мир заново осваивать [3, 70].

Другая функция интерпретирующая. В мифе мир понятен, открыт человеку. Это важнейшее свойство мифа. Он расставляет все по своим местам. Поскольку окружающий мир в мифе познан и понятен, то он не пугает человека. Благодаря мифу обретается чувство гармонии, единения с бытием. Миф оберегает от непосредственного соприкосновения с суровой реальностью.

Важнейшая функция политического мифа – легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране. Миф является основой легитимности власти и ее стражем одновременно. Поэтому покушение на основные политические мифы того или иного государства есть покушение на основы легитимности этого государства. Так, разрушение советской мифологии привело в конечном итоге к делегитимизации власти КПСС и распаду Советского Союза. Другими словами, мифы могут выступать не только хранителями легитимности, но и ее сокрушителями.

Таким образом, сегодня нельзя считать, что мифы относятся только к культуре прошлого. Эта архаичная форма сознания регулярно воспроизводится в политике ввиду своей простоты, логической непритязательности и одновременного требования благоговейного почтения к любому содержанию мифа. Мифотворческие процессы являются выжым механизмом управления сообществом в арсенале правящей элиты. Потребность в разработке проблематики, связанной с политическими мифами, обуславливается не только чисто академическим интересом, но и задачами управленческого характера.

Литература

1. Полосин, В. С. Миф, Религия, Государство: исследование политической мифологии [Текст] / В. С. Полосин. – Москва : Ладомир, 1999. – 440 с.
2. Цуладзе, А. М. Политическая мифология [Текст] / А. М. Цуладзе. – Москва : Эксмо, 2003. – 384 с.
3. Кольев, А. Н. Политическая мифология [Текст] / А. Н. Кольев. – Москва, 2002 – 342 с.
4. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование [Электронный ресурс] / К. Флад ; пер. с англ. А. Георгиева. – Москва, Прогресс-Традиция, 2004 – 264 с. – Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685865(дата обращения 02.02.17).
5. Михайлов, Д. Н. Политическая мифология: проблема определения структура и функции [Текст] / Д. Н. Михайлов // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2010. – № 2. – С. 118–127.
6. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Текст] / В. О. Ключевский. – Москва, 1937.
7. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря [Текст] / Н. А. Бердяев. – Москва : «Республика», 1995. – 384 с.
8. Кассирер, Э. Эссе о человеке. [Текст] / Э. Кассирер // Мистика, религия, наука. – Москва : «Канон+», 1998. – С. 379–430.
9. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль. – Т. 130. – 2001. – 558 с.
10. Ахиезер, А. Россия: критика исторического опыта [Текст] : в 3 т. / А. Ахиезер. – Т. 3. – Москва, 1991.
11. Яковенко, И. Цивилизация и варварство. Статьи 1–4 [Текст] / И Яковенко // Общественные науки и современность. –1996. – № 4. – С. 67–76.